

Елена
ГРАСС

БЫВШИЕ

Время не лечит

Елена Грасс

Бывшие. Время не лечит

«Автор»

2026

Грасс Е.

Бывшие. Время не лечит / Е. Грасс — «Автор», 2026

— Ольга! Что ты здесь делаешь? — спрашиваю, продолжая сканировать её взглядом. Десять лет. Прошло десять лет с тех пор, как я видел её в последний раз. А теперь она неожиданно открывает дверь моего дома. Бывшая ничего не успевает ответить, потому что возле неё появляется моя мама. — Ярослав — замечаю в её глазах откровенное удивление. — Откуда ты? Я думала, ты приедешь позднее. — Решил приехать сегодня. Впустите меня или так и будете держать на пороге? — Конечно, заходи! — начинает суетиться она, открывая шире дверь. — Ну, мы, пожалуй, пойдём, — Ольга спешит сбежать. — Да, идите, деточка. — Деточка? — не сдерживаю ухмылки, когда Ольга и её пацан исчезают за дверью. — Когда и с чего вдруг она стала для тебя деточкой? Ты же её терпеть не могла! Спала и видела, чтобы мы расстались.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елена Грасс

Бывшие. Время не лечит

Глава 1

ОЛЬГА

Стоя перед зеркалом, рассматриваю свой внешний вид и снова поправляю складки на кофте.

Только сейчас понимаю, что делаю это уже третий раз за пару минут.

Нервничаю? Наверное. Только — почему, не понимаю.

Встречаясь взглядом со своим отражением в зеркале, я не могу сдержать широкой улыбки. Она сама расцветает на лице.

Настроение просто замечательное, а скоро станет ещё лучше: совсем скоро я получу долгожданное повышение, о котором мечтала и ради которого работала на износ.

Перевожу взгляд на часы и понимаю, что мне ещё нужно успеть кучу дел. Позавтракать, разбудить сына.

— Кажется, у кого-то отличное настроение? — замечает Иван, проходя мимо меня на кухне.

Улыбаюсь. Не знаю, стоит ли мне рассказать ему о своих успехах, но очень хочется поделиться. Всё-таки не чужой человек.

Хотя, если по документам, всё-таки чужой.

Он мой бывший муж. Человек, который когда-то был моим близким человеком, а теперь просто сосед по квартире, связанный со мной только фамилией сына и бумагой о разводе.

— Да! Настроение отличное! На днях я получу повышение, о котором мечтала, и наконец-то займу место старшей мединской сестры! — в моём голосе звучит гордость, которую я больше не скрываю.

Иван останавливается, его лицо принимает выражение искреннего удивления.

— Да-а-а? — практически присвистывает. — А старая куда уходит?

— На заслуженный отдых.

— А-а-а. Ну поздравляю! — Его лицо расплывается в дежурной улыбке, и он чмокает меня в щеку. — Молодец. Горжусь! А чего раньше не рассказывала, что метишь на это место?

— Я не метила. Я просто много и усердно работала, чтобы его получить. А ещё боялась спугнуть удачу.

— А сейчас что, не боишься?

— Сейчас нет. Мне по секрету в отделе кадров сказали, что приказ о моём повышении готов.

— Ну что ж, я рад за тебя! Это стоит отметить! — ставит спешно кружку с кофе на стол и довольно потирает руки. — Суши? Пицца? Что ещё закажем?

— Ничего. Вань, пожалуйста, давай только без «отметить». Мне зимнюю куртку Степану нужно покупать, я не планировала никаких праздничных ужинов.

— Жаль, — сникает и теперь торопится уйти в комнату.

Садится за компьютер, надевает наушники и включает экран.

На нём тут же появляется очередная игра, в которой, как теперь уже нетрудно догадаться, он и исчезнет на весь день.

— Вань, погоди уходить в атаку. Скажи, что у тебя с работой?

— Пока ничего. — Отвечает, даже не повернувшись в мою сторону. — Я тебе говорил: работы нормальной нет. Сейчас трудный период.

Он бросает эти слова через плечо, словно торопится произнести заготовленную речь.
Её я уже слышала за последние несколько недель много раз.

— Твой трудный период уже затянулся на четыре месяца. Не много ли?

— Оля... Давай потом! Вот ведь! Убили. Ну почему нужно лезть под руку в самый ответственный момент?

Иван сдёргивает наушники и наконец-то поворачивается ко мне. Чувствую, как он начинает злиться.

Но это не повод спрятать голову в песок и снова ждать, когда он сам захочет дать денег на продукты.

— Вань, давай без обид, — начинаю я, стараясь говорить спокойно, хотя внутри кипит. — Но мне надоело, что ты всё время ищешь какие-то оправдания для того, чтобы не работать. Когда ты поругался со своим боссом и уволился, ты обещал, что довольно быстро найдёшь работу. Но...

— Да, но у меня не получается. За копейки работать я не обязан, а на большие деньги пока не берут. И вообще, у меня стресс. Я хочу пережить его в комфортных для себя условиях... — замечаю, как его гнев трансформируется в оборону и самооправдание. Последнее время, как только речь заходит о деньгах, его реакция одинакова.

— И ты снимаешь его тем, что сидишь целыми днями в играх? — и всё-таки не сдерживаюсь в своих упреках. — Шикарно! Я тоже так хочу!

— Опять... Оля, город маленький, сама знаешь, как мне здесь устроиться?

Это вечный его аргумент. Город маленький. Нет работы. Некому платить хорошие деньги.

Я слышала это уже сотни раз, и каждый раз это звучит как оправдание, как условие, которое никогда не изменится.

— Не можешь здесь, значит, поезжай в Москву! Как многие! Там куча работы. Да, я согласна, что придётся пожертвовать комфортом, но тем не менее ты всегда будешь при деньгах.

— Интересная какая! Сама не поехала десять лет назад, когда тебя твой хахаль звал, а меня гонишь! Там только время терять зря! Кто я там буду? Разнорабочим? Нет уж! Лучше быть большой рыбой в маленьком пруду, чем мальком в огромном.

— Это ты-то большая рыба? — не могу сдержать горькой усмешки. — Не замечала в тебе особого веса.

— Ну, как-никак, бывший зам!

— Вот именно, что бывший.

Бросая ненужный разговор, спешу к Степану в комнату. А Иван так и остаётся сидеть в своём кресле, в своей виртуальной реальности, где он большая рыба, герой, и где ему не нужно ничего менять.

Глава 2

— Стёп, вставай! В школу пора собираться, — ласково глажу сына по голове.

Сын реагирует на меня недовольным выражением лица.

— Дай пять минут.

— Они не помогут. Вставай, соня! Мне ещё нужно успеть тебя накормить.

— Я сам, — тут же реагирует сын.

— Ладно, позавтракаешь с отцом.

— Это вряд ли. Он завтракает возле компа. Мам, вот скажи, почему папа может играть часами, а мне ты запрещаешь? Это несправедливо. Я тоже так хочу! — теперь уже практически подскакивает на кровати Степан.

«Ребёнок учится тому, что видит у себя в доме...» — тут же приходит на ум пословица, с которой я на сто процентов согласна. Только хорошо, у меня хватает ума не сказать её вслух.

А ведь Степан прав. Какой учёбы я могу требовать от него, если он видит, как последние недели Иван только и делает, что уходит в виртуальные рейды?

— Ты чего жалуешься на меня?! — слышу, недовольный голос этого мнимого победителя.

Поворачиваюсь в сторону выхода из спальни сына и вижу, как Иван, сложив руки на груди, с недовольным лицом смотрит на сына.

Стёпа от его появления теряется и прекращает свои жалобы.

— Я, в отличие от тебя уже заработал себе право сидеть за компьютером сколько хочу. А ты для начал хотя бы девять классов закончи!

Степан переводит обиженный взгляд на меня, и, догадываясь, что ждёт защиты.

— Стёп, вставай! Времени нет. — Моё настроение отравлено, и единственное, что мне теперь больше всего хочется сделать — это сбежать из дома.

— Мам, иди на работу. Я сам всё сделаю. И кашу себе разогрею и соберусь в школу.

— Умничка, — целую его в нос и тороплюсь уйти.

— У меня сегодня тренировка. Я и домой сам доберусь.

Киваю, не глядя на сына. Мой взгляд снова сосредоточен на Иване.

— Выйдем, — прохожу мимо него и задеваю плечом.

Я делаю не специально, но выглядит так, словно я нарываюсь на очередной конфликт.

Замечаю, как он закатывает глаза, и нехотя идёт за мной.

Такое ощущение, что мы поменялись ролями. Закатывать глаза должна я, а не он.

Захожу в ванну, он следом. Закрываю дверь и включаю воду.

Никогда не ругаюсь при ребёнке, потому не хочу, чтобы в памяти моего сына заполнились конфликт родителей.

Но сейчас не могу промолчать, потому что поведение моего бывшего мужа переходит все границы.

— Тебе же некогда! — Говорит мне, ухмыляясь, словно дразнит меня.

— Для тебя пары минут не жалко! Значит так: не знаю, какие у тебя предложения по работе, но я даю тебе месяц! Если ты не изменишь своё поведение и не перестанешь валять дурака, я...

— Ну! И что ты сделаешь? — без всякого смущения перебивает меня Иван.

— Оля, ты, кажется, забыла, где ты живёшь? Ну раз так, я тебе напому: это моя квартира. Была. Есть. И будет. А поскольку полгода назад мы стали бывшими супругами, я могу тебя и твоего пацана попросить на выход.

От наглости, которая льётся изо рта моего бывшего мужа на мгновение впадаю в ступор.

— Подожди... От твоей бабушки нам досталась абсолютно разбитая двушка, в которой тридцать лет не делалось ремонта. Я вложила себе сюда куча денег, чтобы она стала такой, как сейчас. А теперь ты решил напомнить мне, что я здесь... Никто?!

— Ну почему же никто? Бывшая жена. И это ты сама захотела развода! Я предлагал жить как жили! Но ты, как всегда, со своими максималистскими взглядами решила по-своему.

— Дай догадаюсь: ты не торопишься устраиваться на работу, потому что считаешь, что раз мы с сыном остались жить в этой квартире, я должна тебя кормить?

— Ну а почему нет? Считаю, что ты платишь за аренду жилплощади.

Закрываю глаза и считаю до трёх. Не ссорится при сыне. Не ссорится при сыне. Не ссорится при сыне.

— Я не буду этого делать. — Выключаю воду, выхожу из ванной комнаты и спешу к выходу из дома.

— Почему? Ты только что сама сказала, что тебя ждёт повышение. А это значит, что ты будешь получать больше. Всё вам, бабам, денег мало.

— Потому что это ненормально даже при условии, что мы бывшие супруги. Раз ты планируешь брать с меня арендную плату, мы здесь не останемся. Знаешь, а я ведь сначала не поняла, зачем ты умолял меня не съезжать. Думала, хотел наладить отношения. Теперь твои мотивы ясны. И это не о любви, это о потреблении. Вот ведь, дура... Зачем я вообще начала с тобой разговаривать. А так хорошо начинался день. Надо же, как ты умеешь испортить настроение.

— Я ничего не сделал. Ты испортила себе его сама.

— Вот именно, дорогой бывший муж. Ты ничего не сделал! В твоём случае, это самая частая фраза, которую я произношу, глядя на тебя.

Больше не слушаю, что пытается сказать мне Иван, и захлопываю дверь.

Еле успев вовремя на работу, захожу в больницу и спешу у сестринскую.

— Ольга, привет! — встречает меня Анна Алексеевна. — Ну что, готова к повышению?

— А то! Спасибо вам за рекомендацию.

— Не благодари. Ты заработала эту должность. А мне уже пора отдохнуть. С коллективом только расставаться жаль.

Я вижу, ей тяжело, и единственное, что приходит мне в голову — подойти и обнять её.

Мы стоим так молча несколько минут, каждая думая о своём.

— Ладно, пора работать. Сегодня нужно многое успеть. Оль, я пока размещением больных и капельницами займусь, а ты сходи в отдел кадров. Мне там сказали, что у тебя каких-то бумаг недостаёт в личном деле.

— Каких? — слегка напрягаюсь.

— Не знаю. Выясни там.

Киваю и сбегая заниматься бумажными вопросами. Как оказалось, все бумаги есть, просто некоторые из нужных не подшиты в дело.

К концу рабочего дня я едва держусь на ногах. Несмотря на то что надела удобную обувь, мои ноги гудят и ноют, словно просят о пощаде.

Каждый шаг даётся с трудом, будто ноги вот-вот откажутся от работы и громко закричат: «Помогите!»

С огромным облегчением я наконец-то добираюсь до поста и буквально падаю на стул, чувствуя, как тело просит отдыха.

А ведь впереди ещё ночь дежурства...

Сбрасываю кеды и достаю журнал с назначениями. Так, что у нас здесь...

— Помогите, — неожиданно слышу голос из дальней палаты.

Сначала мне кажется, что это просто галлюцинации на фоне усталости.

Однако через несколько секунд я снова слышу этот же голос, но уже намного громче и настойчивее.

Я моментально забываю обо всём на свете. Адреналин вскипает в крови, заставляя меня вскочить со стула.

Пытаюсь натянуть кеды, однако одна словно намеренно отлетает прямо под стол.

Плюнув на неё, бегу в палату прямо босиком.

— Что случилось? — Вижу возле одной из кроватей столпотворение из нескольких человек. — Разойдитесь! — Прошу их отойти, стараясь говорить довольно властно. Мне важно, чтобы они подчинились.

Люди неохотно расступаются, и я наклоняюсь над женщиной, лежащей на кровати.

— Она поступила в обед. Лежала тихонько, а теперь всё стонет. То тихо, то громко. — Слышу, как кто-то начинает говорить за моей спиной, пытаюсь объяснить ситуацию.

На автомате, желая посчитать пульс, беру её руку и склоняюсь ближе.

В лицо пока не смотрю, сосредоточенно наблюдая за её грудью. Она поднимается и опускается неровно, с явным трудом.

— Плохо... одышка... — говорит женщина голосом, от которого по моей спине пробегают мурашки.

Даже спустя десять лет этот голос я узнаю из тысячи других голосов.

— Тамара Михайловна... — еле слышно произношу имя своего самого лютого врага.

— Оля... — она тоже узнаёт меня.

Глава 3

— Что случилось?! Где болит больше всего?

— Плохо, Оля. Плохо. У меня... — она закрывает глаза и замолкает, словно слова застряли в гортани вместе с последним вздохом.

На долю секунды я позволяю себе растеряться. Сердце летит куда-то вниз, и руки начинают дрожать.

Но эта растерянность не позволительная роскошь. Тут же вспоминаю о том, что я медицинская сестра.

Я на работе! Я не имею права паниковать! И если нет врача, я должна сделать всё, чтобы он появился.

Только делаю шаг в сторону к выходу, как Тамара Михайловна хватается за мою руку.

Беззвучно, одними губами, она пытается сказать: «Не уходи...»

— Я быстро! Очень! — уговариваю её потерпеть. — Нужен врач! Немедленно! — всё-таки отпускаю её руку и практически бегом спешу в кабинет дежурного врача.

Я даже не чувствую, что я по-прежнему босиком. Адреналин стучит в сердце и висках.

Без стука влетаю в ординаторскую. Дверь с грохотом ударяется о стену.

В отличие от палаты, где люди напуганы и гудят, здесь совсем другая картина.

За столом, где навалена еда: открытая коробка с пиццей, пакеты с суши, бутылка колы и даже пара шоколадок, расслабленно сидит дежурный врач.

Рядом с ним расположились девочки из соседнего отделения.

Они все ведут себя так, словно не слышали, что я звала на помощь.

Замираю. Не могу вспомнить имени и отчества доктора. Кажется, Морозов Антон Андреевич.

Он пришёл работать к нам недавно. Я лично видела его только один раз и то мельком.

— Стучаться не учили? — бросает мне недовольно.

Девушки, сидящие рядом начинают хихикать.

— Антон Андреевич, там пациентке плохо. Срочно нужна ваша помощь.

— Что с ней?

— Сильная одышка, частый пульс, — перечисляю ему признаки инфаркта.

— Сейчас приду, — но вижу, что он не торопится.

Стою, не двигаясь с места. Что-то подсказывает мне, что он и дальше не будет торопиться.

Он, игнорируя моё присутствие, снова поворачивается к девушкам и продолжает рассказывать какую-то шутку.

Она, видимо, удаётся, и девушки начинают смеяться в голос.

— Соловьёва, чего встала? Иди. Я же сказал, сейчас приду. — Снова обращает на меня внимание.

Мне ничего не остаётся делать, нежели как подчиниться.

Киваю и быстро выхожу из ординаторской.

Бегу в палату и снова склоняюсь над Тамарой Михайловной.

Вижу, что её состояние изменилось, и к сожалению, не в лучшую сторону.

Румянец на лице сменился сильной бледностью, губы стали сухими, а дыхание ещё сбивчивее.

— Дышите, Тамара Михайловна, — говорю я, ровно и спокойно, пытаюсь успокоить её. Я вижу, как ей страшно, но я всего лишь медсестра, и не имею права оказывать ей помощь. — Доктор уже идёт. Постарайтесь дышать медленно. Вдох... выдох...

Вижу, что остальные пациенты замерли и наблюдают за мной. Им страшно. Но, если честно, страшно и мне самой.

Надо же, я уже привыкла оказывать помощь людям, но сейчас я словно в ступоре.

— Это инфаркт... Я знаю... — выдавливает она из себя.

— Совершенно необязательно! — не соглашаюсь с ней и стараюсь улыбаться. — Это могут быть признаки другой болезни!

— Да, могут. — Кивает. — Оля, ты только не уходи. Плевать на врача, ты не уходи!

— Не уйду, — мои слёзы капаят ей на грудь. Я даже не замечаю, как начинаю плакать.

Мысленно ругаю себя за слабость.

— Ну наконец-то, — слышу, как кто-то тихо говорит из пациентов.

Поворачиваю голову в сторону выхода и замечаю, как входит Антон Андреевич.

Он не торопится, как не торопился в ординаторской. Идёт неспешной, уверенной походкой. А мне хочется его убить! Потрясти за шкурку, сказать, чтобы этот самонадеянный идиот поторопился!

Но у меня нет такого права. Да и панику сеять среди пациентов нельзя.

Он подходит к кровати, минуя меня, не задаёт мне никаких вопросов и кладёт пальцы на запястье Тамары Михайловны.

— Ну-ка, посмотрим, что тут у нас. Что за шум, а драки нет? — пытается шутить, но никто из присутствующих здесь не улыбается. — Так, все по своим койкам! Не нужно паники!

Понимая, что юмор никто не оценил, он рывкает так, что даже я вздрагиваю.

Такое ощущение, что он не врач, а клоун, который пытается произвести впечатление.

— Как вас зовут? — безразлично спрашивает маму моего бывшего.

— Её зовут Тамара Михайловна, — отвечаю тут же за неё. Но на самом деле мне хочется крикнуть: хватит заниматься ерундой, оказывай ей помощь, придурок!

— Так... Ясно. Что у вас болит? Давление у вас какое было при поступлении?

— У меня болит здесь, — показывает в область сердца.

— Ничего страшного, всё пройдёт. Всё будет хорошо.

Молчу, не соглашаясь с ним. Я знаю, что он не прав.

Мне достаточно видеть в глазах Тамары Михайловны застывшую боль, чтобы понять, что всё плохо.

— Антон Андреевич, — говорю я тихо, подойдя к нему как можно ближе. — У неё сильная боль в области сердца, у неё посинели губы. Она не была такой бледной, как сейчас. Всё это признаки инфаркта...

— С чего сразу инфаркт?! Это может быть остеохондрозом и панической атакой.

— Нет, — говорю резче, чем ожидала.

После сказанных слов, я практически на физическом уровне чувствую, как он взбешён.

Он медленно поворачивает ко мне голову. В его взгляде — раздражение и то самое превосходство человека, который уверен, что знает лучше.

— Я лечащий врач здесь, а вы всего лишь медсестра. И я провожу осмотр, а не вы! Ваша задача — выполнять назначения. И моё назначение — принести успокоительное для пациентки. Сейчас же! — зло цедит сквозь зубы. — Пошла! Живее!

Глава 4

В этот момент Тамара Михайловна хрипло всхлипывает и пытается приподняться.

— Доктор, я сама в прошлом преподавала на кафедре, и Ольга, она права, ... — выдыхает мама моего бывшего.

— Я разберусь! — настаивает на своём врач.

Время спорить закончилось.

— Простите, Антон Андреевич.

Выхожу из палаты и спешу в соседнее отделение. Там, найдя дежурного врача, быстро рассказываю о проблеме.

Он кивает и спешит со мной в наше отделение.

Слыша, как Игорь Анатольевич просит молодого коллегу отойти, мой внутренний голос, который последние несколько минут только и делал, что кричал «медлить нельзя», наконец, замолкает.

Желая не мешаться под ногами, отступаю к стене, но не спуская глаз с Тамары Михайловны.

— Что же теперь будет? — тихо говорит возле меня один из пациентов.

— Теперь всё будет хорошо, — отвечаю ему тихо, но главное — уверенно.

Антон Андреевич тоже отходит в сторону, встаёт напротив и сверлит меня глазами.

Его взгляд режет как ножи. Я чувствую его ненависть. Острую, колючую, почти осязаемую.

Молодой доктор сейчас ведёт себя так, как будто я лично виновата в том, что его подвинули, указав на ошибки.

Но я всё равно не жалею о том, что сделала.

Да, я знаю, пройдёт несколько минут, всё закончится, и он будет отчитывать меня за дерзость.

Однако Тамара Михайловна жива, и, это, пожалуй, главное, что имеет значение в данный момент.

Пока я жду решения более опытного врача, Антон Андреевич всё-таки не сдерживается и подходит ко мне.

Он берёт меня за локоть, причём так сильно, что я, даже если захочу, не смогу вырваться.

— Что ты делаешь, дура?! Зачем ты отвлекаешь людей от более важной работы?! Этот доктор даже не из нашего отделения.

— Он врач! И знает, что делать. Этого достаточно. — Нажимаю на слове «врач».

— Высочка! — шипит на меня ответно этот молодой парень. — Ты пожалеешь об этом! Я всё для этого сделаю!

Пока мы перепираемся, Игорь Анатольевич действует быстро. Не проходит и минуты, когда возле него появляется ещё один доктор.

Вероятно, кто-то из пациентов решил действовать также как я и пошёл в другое отделение, чтобы попросить о помощи.

Врачи действуют слаженно и быстро. Они осматривают пациентку и тот, что старше, говорит второму, что нужно делать.

Через несколько секунд в палате уже стоит каталка.

— Мы переводим её в реанимацию.

— Оля... — слышу, как Тамара Степановна зовёт меня. — Оленька...

— Что такое? — быстро подхожу и наклоняюсь к ней.

Женщина пытается взять меня за руку, но ей не удаётся. Слишком слаба, слишком напугана.

— Прости меня. Прости меня. Прости... — выдавливая из себя.

— Успокойтесь! Всё будет хорошо, — глажу её холодную руку и пытаюсь улыбнуться.

Пока её везут в реанимацию, я иду рядом и пытаюсь ей объяснить, что с ней будут делать.

Она кивает и верит мне.

Как только двери нашего отделения закрываются и в коридоре становится тихо, я тяжело, но облегчённо выдыхаю.

Очень надеюсь, что диагноз не подтвердится. Но если вдруг такое произойдёт, то эти врачи точно помогут ей.

С чувством выполненного долга иду в сестринскую.

Кажется, что я отдала все свои силы этой неожиданной ситуации. И чтобы прийти в себя, мне нужно хотя бы воды выпить.

— Соловьёва, ко мне, — командным голосом говорит мне дежурный врач, заходя в сестринскую.

— Зачем? Кому-то ещё стало плохо? — я точно знаю, что нет.

— Ясно. Строптивая... Кардиолог, значит... говорит он медленно, почти по слогам это слово.

— О чём вы? — не понимаю, что он хочет мне сказать.

— Я о том, что когда ты заходила в ординаторскую, ты была медицинской сестрой, а теперь вдруг ставишь диагнозы пациентам?! — Он произносит слова «медицинская сестра» с таким откровенным презрительным акцентом, будто это не профессия, а непонятно что. — Ваша обязанность, Ольга, — ставить капельницы, разносить таблетки и выполнять назначения врачей. Всё! Точка! — Рывкает так, что, кажется, стёкла в окне дрогнули. — И совершенно точно это не про играть во всезнайку и не паниковать при каждом скачке давления у истеричной бабки!

Он тычет пальцем в сторону палаты, где недавно лежала Тамара Михайловна.

— Я потому и пришла к вам! Я не собиралась ставить диагноз, — отвечаю я, стараясь казаться спокойной. — Я просто... видела, что Тамаре Михайловне было плохо. Настолько, что она даже сказать ничего не могла.

— Может быть, потому, что она молчаливая по своей натуре? — смеётся в голос, запрокинув голову.

Молчаливая? Тамара Михайловна? Вот уже нет! По крайней мере, десять лет назад совершенно точно нет.

Эта женщина была элитой! Она умела поставить на место любого!

Заткнуть! Уничтожить взглядом! Голосом!

А если не взглядом или голосом, то действием точно!

Десять лет назад её уверенность в себе гремела по коридорам того медицинского колледжа, где она преподавала!

Она была одной из тех педагогов, которую не просто боялись, её уважали, и с её мнением считались!

— Нет!

— Что — нет?! — теперь он не понимает меня. Его лицо краснеет от злости.

— Нет. Она никогда не была молчаливой. Вы её не знаете.

— А ты откуда знаешь, какой она была? — Антон Андреевич замирает. — Она что, твоя родственница? Ну так бы и сказала, когда зашла в ординаторскую! Я был бы более внимателен к ней.

Я чувствую, как внутри закипает ответная злость.

Мне хочется сказать ему прямо в лицо, что внимательность — это не привилегия для знакомых или родных, а обязанность доктора, независимо от того, кто они такие. Но я контролирую себя. Правда, едва-едва.

— Внимательным вы должны быть к каждому пациенту, Антон Андреевич, — говорю тихо в ответ, не отвечая на его вопрос, кем приходится мне эта женщина.

Желая закончить этот разговор, я теперь спешу сбежать и из сестринской. Но не успеваю, потому что он преграждает мне путь.

— Если ты ошиблась с диагнозом, я тебя уничтожу. — Теперь его голос опускается ниже, становясь ещё более опасным, чем крик. — Я сделаю так, что ты больше никогда в жизни не сможешь работать! Ни в одной больнице! Ни в одном медицинском учреждении! Ни в одной захудалой медицинской клинике! И поверь, мне хватит связей даже несмотря на молодой возраст! Я позвоню везде! Даже в посёлки и деревни, которые находятся в ста километров от нашего города! Я скажу, что ты некомпетентна, безответственна, что ты ставишь под угрозу жизни пациентов!

— Не моя обязанность ставить диагнозы, а ваша. А если я всё-таки ошиблась, можете меня выгнать. Я даже сама вещи собираю. — Пожимаю плечами.

Хоть мне и не по себе от того, как он орёт, я всё равно не позволю ему видеть мой страх.

Я допускаю, что он сможет сделать то, что говорит. Не всё, конечно, но кое-что может. Хотя бы на том основании, что он врач.

Но я ни о чём не жалею. И неважно, кто это был: Тамара Михайловна или кто-то другой.

Моё сердце не очерствело за девять лет работы. А у этого доктора, несмотря на то что он работает неделю, сердце к боли и проблемам пациента уже мёртвое.

— Соберёшь! Не сомневайся! Можешь начинать это делать прямо сейчас!

Глава 5

Возвращаюсь на пост и открываю карту Тамары Михайловны.

Не понимаю, как я пропустила её поступление.

Вероятнее всего, она поступила, пока я была в кадровом отделе в другом здании.

Вспоминаю, как вторая медицинская сестра на ходу бросила мне, что у нас двое новых больных, но фамилии не назвала.

Обычная рабочая суета, ничего особенного.

Только кто же мог подумать, что одной из этих больных окажется именно она.

Вот и встретились...

Странно, как иногда жизнь не просто возвращает тебя в прошлое, а почти насильно сталкивает с тем моментом, который хочешь забыть и навсегда вычеркнуть из памяти.

Без предупреждения! Без возможности подготовиться! Лицом к лицу.

Думаю о том, в каком состоянии я увидела её в палате и не могу совместить эту женщину с той, которую когда-то знала.

Передо мной предстала растерянная, напуганная, постаревшая незнакомка.

В её взгляде больше не было той уверенной жёсткости, от которой когда-то меня бросало в дрожь и волнение.

Теперь в глазах Тамары Михайловны было что-то почти детское, беспомощное. И от этого становилось не по себе.

Я ведь я помню Тamarу Михайловну совершенно другой. Яркой, самоуверенной, активной.

Она всегда умела входить в помещение так, что вместе с ней входило ощущение власти.

Неважно, была ли это аудитория, коридор колледжа или актовый зал, где находилось множество людей.

Тамара Михайловна всегда держала голову гордо, говорила уверенно, смотрела прямо, почти не моргая, и всем своим видом давала понять окружающим, что она знает себе цену и не позволит никому в этом усомниться.

Я знала, почему она так вела себя.

Ей было, чем и кем гордиться. Муж, сын, она сама — все успешные, все держат удачу в руках.

Её муж — профессор медицинского вуза, известный человек, с большим авторитетом.

Она сама — преподаватель в медицинском колледже, где я училась.

Всегда строгая, сдержанная, требовательная. Одна из тех, чьё одобрение нужно заслужить.

И их сын, Ярослав... Он был одним из самых успешных студентов медицинского, так называемой гордостью семьи.

Умный, перспективный, воспитанный. А ещё безумно красивый.

На их фоне всё вокруг как будто бледнело и меркло. И я в том числе...

Девчонка из простой семьи, у которой не было громкой и значимой фамилии, связей и нужных знакомств.

Но нам с Ярославом было на это наплевать. А вот его матери нет...

Именно в колледже, где она преподавала, мы и познакомились.

Я никогда не забуду, как я увидела его в первый раз. Наша встреча — это как удар молнии, которую невозможно пережить без последствий.

А последствием этого удара была любовь. Дикая. Страстная. Взаимная. Настоящая. Первая...

Иногда, бывает, общаясь с человеком, чувствуешь, что он твой.

Вот просто твой, и всё! Родной, близкий, желанный, лучший. Даже несмотря на то, что вы знакомы совсем недолго!

Именно такие чувства и были у меня к Ярославу. А у него ко мне.

Но ровно до того момента, пока его мать не почувствовала во мне угрозу.

... Меня не оставляет чувство тревоги за Тамару Михайловну. Мне очень хочется узнать, как она.

В том, что она теперь в надёжных руках, я не сомневаюсь, но тревога всё равно не покидает моё сердце.

Надо же, как меняется отношение к человеку, когда ты не видел его десять лет, а потом встретил в таком положении.

А я ведь была уверена, что буду ненавидеть её всю жизнь.

— Наташа, ты не могла бы присмотреть за моим отделением пару минут? — звоню коллеге с соседнего крыла.

— Что-то случилось?

— Нет, просто нужно отойти.

— Конечно, беги.

— Здравствуйте, — поднимаюсь реанимацию и подхожу к дежурной медицинской сестре.

Глядя на её лицо, пытаюсь вспомнить имя девушки, но безрезультатно.

— Здравствуй, Оля, — она обращается ко мне по имени, и я чуть расслабляюсь.

— Извини, я забыла твоё имя.

— Даша.

— Даша, к вам недавно поступила одна пациентка. Можно узнать о её состоянии.

— Родственница? — сочувственно спрашивает в ответ.

— Знакомая.

Да, когда-то мне очень хотелось стать её родственницей, но не сбылось.

— Фамилия, имя, отчество, — она открывает дежурный журнал и начинает листать.

— Неверова Тамара Михайловна.

Девушка пробегает по списку и находит нужную фамилию.

— Да, есть такая. Пока доктор сказал, что у неё инфаркт.

— Всё-таки инфаркт... А где она сейчас?

— Стент ставят. Не переживай, Оля! Её спасут! Сама же знаешь, после этой процедуры наши пациенты бегают удалее молодых!

Значит, всё-таки я не ошиблась и была права в своих выводах.

Снова вспоминаю, что случилось недавно. Пациенты, полагаю, ещё не раз будут обсуждать ситуацию и мой конфликт с дежурным врачом.

Не представляю, какие последствия ждёт меня завтра с руководством, но хочется верить, что Антон Андреевич, как минимум промолчит о нашем с ним инциденте.

Тем более, в свете событий, что я помогла, а не навредила.

— Я могу позвонить тебе позднее и узнать, как прошла операция?

— Конечно. Записывай мой телефон.

Она диктует мне свой телефон, я благодарю и возвращаюсь в своё крыло.

Вспоминаю, что в этой суматохе я не собрала вещи Тамары Михайловны. А ведь их обязательно нужно передать в другое отделение.

На прикроватной тумбочке практически ничего нет. Только очки для чтения, зарядка для телефона и книга.

Больше ничего. Всё по минимуму.

Почему? Даже если она поступила спонтанно, ей некому было привезти её вещи?

Я знаю, что Ярослав в Москве, но муж-то мог?

Сажусь на ту кровать, на которой она лежала совсем недавно, и беру её книгу.

Кручу в руках и замечаю среди страниц закладку. Фотография...

Удивительно, но она заламинирована. Такое ощущение, будто Тамара Михайловна бережёт её как самый ценный дар.

Дрожащими руками поворачиваю её к себе, понимая, кого я на ней увижу.

Да, так и есть. На ней Ярослав. Но не только он...

Глава 6

Молодой красивый мужчина стоит в обнимку с не менее красивой и ухоженной девушкой. А на руках у него девочка лет пяти.

Они улыбаются, счастливы, и кажется, что весь мир принадлежит им.

И снова вспоминаю, как эти слова говорила мне Тамара Михайловна:

— Этот мир создан для таких, как мы! Для меня, моего мужа и сына. Ум, успешность, и связи, милочка, открывают любые двери. А поскольку у тебя нет ни первого, ни второго, ни третьего, боюсь, для тебя все двери закрыты!

И главное — я ведь верила ей!

Тогда, десять лет назад, их фамилия в медицинских кругах звучала в нашем городе в каждом углу. А потом, спустя ещё пару лет зазвучала и в Москве. Аккурат, когда Ярослав закончил медицинскую академию и уехал покорять столицу.

А я осталась здесь. Одна. С сыном на руках.

... Утром я снова позвонила своей коллеге и узнала, что у Тамары Михайловны всё в порядке. Она в сознании и прекрасно себя чувствует.

Ну что же, теперь я могу мысленно пожелать ей скорейшего выздоровления и закрыть для себя эту короткую главу жизни, как закрывала и прошлые.

— Ольга, задержись! — старшая медсестра ловит меня уже у самого выхода из сестринской.

— Зачем? — я слишком уставшая после смены.

— Руководство просило задержаться. Не сбегай.

Я останавливаюсь, с трудом удерживая тяжёлый вздох.

После суток, проведённых на ногах в беготне и суете, любое «задержись» звучит почти как смертный приговор.

— Зачем?

— Говорят, что-то срочное. Но если честно, я надеюсь, что они хотят представить тебя как замену мне. Так сказать, объявить о смене руководства в нашем сестринском составе, — чуть тише говорит мне на ухо и я, даже не видя её лица, чувствую улыбку. — Я сегодня звонила в кадры, они сказали, передали приказ заведующему отделением.

На планёрке никаких новостей, связанных со мной не объявляется.

Только заведующий отделением посматривает сурово в мою сторону, и я догадываюсь: он уже в курсе событий, которые произошли недавно.

Один вопрос остаётся открытым: в каком свете ему преподнесли это событие? Как наглость? Ошибку? Самоуверенность? Перескакивание через головы врачей?

Или всё-таки иначе?

Когда планёрка заканчивается, Анна Алексеевна задерживает меня ещё на секунду.

— Не знаю, Оля, почему тебя не объявили о замене, — говорит с искренним недоумением. — Но я разберусь. Обязательно разберусь.

— Вероятно, позднее, — пожимаю плечами, чувствуя, что эта ночь совершенно точно скажется в дальнейшем на моей работе.

Возвращаясь домой, я снова думаю о Ярославе и том фото, которое увидела в книге его матери.

Я вспоминаю, как светится счастливой улыбкой его лицо, и окончательно понимаю: он счастлив.

Думаю, он ни разу не пожалел, что я исчезла из его жизни. Ведь останься он со мной, вероятно, она сложилась бы иначе. И в этом я даже не сомневаюсь!

Его настоящая жизнь: карьера, та девушка на фото, ребёнок, могли случиться только потому, что мы расстались.

Спустя неделю Анна Алексеевна после моей очередной смены заходит в кабинет и держит в руках огромный торт.

— Ну что, девочки, пришла пора прощаться!

В сестринской начинается суета, все поздравляют Анну Алексеевну с выходом на пенсию, а некоторые подходят и шепчут мне на ухо поздравление с новой должностью.

Только какое-то предчувствие шепчет мне, что рано они меня начали поздравлять.

— Дамы, внимание! У меня объявление! — заходит в кабинет заведующий. — Через двадцать минут внеплановый сбор! Главный врач собирает наше отделение в своём кабинете. Явка обязательна! Анна Алексеевна, Соловьёва, ваше присутствие обязательно!

Мы переглядываемся, и старшая медсестра весело мне подмигивает.

Когда мы поднимаемся в кабинет к главному врачу, идущие рядом медсёстры начинают обсуждать какую-то никому не знакомую девушку.

— Ты слышала, кстати, что у нашего главного какая-то новая краля появилась? — заговорщицки говорит одна, поправляя на ходу белый халат.

— Нет! Кто такая? — подхватывает вторая.

— В том-то и дело, что никто её раньше не видел и никто ничего сказать не может. Вроде как вообще не из местных, заезжая цаца. Высокомерная, ужас!

— А откуда эта информация?

— Сплетни! Она ни с кем не здоровается. Когда идёт мимо, морду кирпичом делает. Хотя, как говорят — понятно, почему. Там внешность — шик! Ноги от самых ушей, фигура точёная, грудь примерно пятого размера... В общем, всё в лучшем виде! Как наш главный любит, — девушки начинают весело хихикать и оглядываться.

Как только я захожу в кабинет к главному врачу, замечаю, как на кожаном диване вполне вальяжно сидит какая-то молодая дамочка. Вероятно, та самая краля.

Глядя на неё, я совершенно точно понимаю, о чём шептались девочки про «ноги от ушей». Это действительно, какая-то безумная длина!

Да, девчонки не обманули, девушка действительно шикарная!

Взглянув на нас без всякого интереса, незнакомка утыкается в телефон.

Но мне она не так интересна. Мне интересен тот, кто восседает рядом с ней: мой нелюбимый Антон Андреевич.

Он смотрит на меня с тем же высокомерием, что смотрел в тот вечер, когда я ворвалась в ординаторскую, и когда отчитывал меня после того, как вызвала другого врача на помощь.

Мне бы, наверное, надо напрячься, но понимая, что сейчас здесь собралось всё наше отделение — всё-таки хочу верить, что он здесь не по мою душу.

Глава 7

Замечаю в углу стул и хочу добраться на него. Ноги гудят!

— Подождите, Ольга! — не позволяет мне присесть помощница руководителя. — Не уходите далеко. Софья, и вы тоже будьте рядом.

Через пять минут, когда весь коллектив нашего отделения собирается в полном составе, наконец-то появляется главный врач.

Замечаю, как старшая медсестра мнёт в руках какую-то бумагу, и догадываюсь, что это её благодарственная речь.

Наверное, что-то и я должна была подготовить, чтобы поблагодарить за назначение на должность старшей медицинской сестры, но я даже не подумала об этом.

Ладно, буду сочинять экспромтом после речи Анны Алексеевны.

— Ну что, коллеги! Я уверен, каждый из вас понимает, для чего мы здесь собрались?

Мои коллеги начинают дружно кивать и улыбаться.

— Я хотел бы проводить на заслуженный отдых нашу прекрасную Анну Алексеевну. Она... Вы настоящий пример профессионализма и преданности делу, и мы очень ценим это... — Пётр Александрович начинает говорить затяжную речь.

Ещё несколько минут хвalebных слов, Анне Алексеевне вручается грамота и раздаётся шквал аплодисментов.

— А, есть ещё кое-что чуть не забыл. В знак нашего огромного уважения и признательности, и чтобы порадовать вас, примите этот скромный бонус. — Главный врач протягивает старшей медсестре конверт и многозначительно улыбается.

Все понимают, что там деньги. Но Анна Алексеевна их действительно достойна.

Вижу, как из глаз женщины начинают капать слёзы. Она улыбается и спешно вытирает их тыльной стороной ладони.

Всё это, конечно, очень мило и трогательно, но мне очень хочется, чтобы эта церемония быстрее закончилась.

Я по-прежнему еле-еле стою на гудящих ногах.

Работать в такой беготне становится всё тяжелее, и каждая лишняя минута на ногах после смены становится настоящей мукой.

Я уговариваю себя, что всё не зря, и мой труд тоже скоро будет оценён, но сейчас, на фоне боли эти аргументы не работают.

Стоящая по правую руку collega, видя, как я начинаю переминаться с ноги на ногу, берёт меня за руку.

— Ты со смены? — киваю. — Обопрись на меня. Надеюсь, что скоро закончим, — говорит мне шёпотом.

Спустя пару минут, когда главный врач завершает расхваливать Анну Алексеевну, замечаю, что все взоры коллег переводятся на меня.

— Ну а теперь следующая новость... Как вы знаете, Ольга Николаевна работает у нас не первый год. Если честно, я даже не помню сколько!

— Восемь лет, — напоминают мои коллеги.

— Да-да, спасибо. Так вот, за время работы, Ольга Николаевна, также показала себя с самой лучшей стороны. Именно поэтому и её работа не останется без внимания и тоже будет отмечена.

Аплодисменты в мой адрес звучат так же громко, как звучали недавно в адрес старшей медсестры.

— Секунду! — замечаю, как Пётр Александрович торопливо вытаскивает из папки какой-то лист, и он совсем не похож на приказ о назначении.

С улыбкой он протягивает эту бумагу мне и замирает. Вероятно, ждёт реакции.

Принимаю лист, киваю и уже собираюсь произнести дежурные слова благодарности, вторя Анне Алексеевне, но как только натыкаюсь взглядом на заголовок «грамота», голос тут же пропадает, и я застываю в полном оцепенении.

Что? Грамота?!

Секунда. Две. Три. Стою, растерявшись, забывая о коллегах. Только когда Ника больно толкает меня вбок, я выхожу из ступора.

— Что с тобой? — она говорит негромко, но на фоне моего внутреннего оцепенения звук режет ухо.

Поднимаю глаза и замечаю, что все смотрят на меня.

Пётр Александрович — с самодовольной полуулыбкой. Коллеги — с любопытством, а кто-то и одобрением.

Моя кандидатура на место Анны Алексеевны не раз обсуждалась моими коллегами в коллективе, и к моему назначению все готовы, так же, как и я сама.

Только слово «грамота» не подразумевает назначение. Оно означает для меня... провал.

— Грамота, — говорю тихо.

Коллеги хмурятся, не понимая, что я там мямлю. А я в ступоре. Я ошарашена. Я... потрясена.

Это не приказ о повышении, а просто долбанная ГРАМОТА!

Восемь лет, состоящих из бесконечных смен и ночных дежурств на ногах.

Восемь лет, где ты не просто медсестра, а в том числе и замещающая старшую, когда та болеет или в отпуске. Без доплат и дополнительной премии, кстати! Просто потому, что везёшь!

— Ну же, Соловьёва. Мы ждём!

Главный врач торопит меня, а я по-прежнему молчу. Что мне им сказать?

Сказать «спасибо» за эту грамоту, — это всё равно, что публично согласиться с такой оценкой моего труда. Но я не согласна!

— Ольга Николаевна! — в его голосе руководителя уже звучит сталь. — Не стесняйтесь! Мы ждём.

— Спасибо.

И всё-таки я говорю это слово, наступая себе на глотку, подавляя обиду и ощущение несправедливости.

— Так кратко? — удивляется Пётр Александрович.

— Да!

— Ну что же, тогда пусть будет так. Но это ещё не всё! Третьей и последней новостью будет новое назначение. У нас новая старшая медицинская сестра! Её зовут Софья Владимировна.

Слышу, как после этих слов в кабинете начинается шушуканье. Вероятно, теперь, понимая, что произошло со мной, все находятся в шоке.

— Коллеги, я понимаю, что вы торопитесь по своим рабочим местам, но раз уж Ольга Николаевна освободила для чужой речи время, значит, пусть новая старшая медицинская сестра скажет нам пару слов. Прошу вас, Софья Владимировна.

Главный врач снова поворачивается в нашу сторону, но теперь смотрит не на меня, а на незнакомку, которая сидела рядом с Антоном Андреевичем несколько минут назад.

Да, да, та самая, о которой сплетничали девочки, когда мы все шагали в кабинет к Петру Александровичу.

Она, дождавшись пока назовут её имя, кошачьей походкой, поправляя полы идеально сидящего белоснежного халата, обладая присутствующих шлейфом дорогого парфюма, подходит к главному врачу.

Встаёт рядом с ним и без всякого стеснения, как будто так и надо, касается его локтя.

В этом жесте всё: и намёк на то, по чьей протекции она назначена, на то, кто её покровитель, и на то, с кем мы будем иметь дело в случае конфликта с ней.

— Благодарю за доверие, Пётр Александрович. Мне очень приятно! Добрый день, коллеги. Меня зовут Софья Владимировна, и я рада стать частью вашей команды.

Поднимаю на женщину глаза и замечаю: говоря это, она смотрит на меня.

И нет в её взгляде ни капли неловкости, ни капли совести, ни капли извинения.

Дамочка продолжает что-то говорить, но я больше не хочу быть участником этого спектакля. Разворачиваюсь и иду в сторону выхода из кабинета.

Меня никто не останавливает. Но это даже к лучшему.

Глава 8

Захожу в сестринскую и сажусь за стол. Поднимаю глаза на огромный торт.

Надо же, а ведь я была уверена, что после того, как мы съедим этот, я тоже принесу подобный за своё назначение.

— Ты чего творишь? — заходит следом Анна Алексеевна. — Главный в бешенстве.

— А кто я такая, чтобы ему из-за меня так нервничать? — не могу сдержать смехок. Хотя, конечно, мне на самом деле не до смеха. В горле стоит тяжёлый ком слёз, обиды и разочарования.

— Дело не в тебе, а как в том, как ты поступила.

— Я сделала то, что сделал бы любой уважающий себя человек.

— А я думаю иначе.

Смотрю на неё с вопросом в глазах.

— Ты слишком... порывиста в своих поступках. Как бы ни было тяжело и обидно, надо было остановить своё желание показать характер. Проглотить ком в горле, покивать, изобразить удивление и не выступать. Сохранить лицо и хоть какую-то видимость профессионализма.

Всматриваюсь в лицо Анны Алексеевны. Она сейчас серьёзно это говорит?! Так унижаться ради должности?

— Я ни о чём не жалею.

Говоря эти слова, я не преувеличиваю. В моих действиях несколько минут назад не было импульсивного порыва. Это было холодное решение, родившееся из того унижения, в котором я оказалась.

— Я всегда много работала. Не для похвалы, не для грамот. Я работала, потому что верила, в то, что делаю. Я вкладывала в эту работу не только время, но и часть себя. И всё это время я наивно полагала, что это ценится. Но раз не ценится, мне здесь делать нечего.

Поправляю костюм, смотрю в зеркало, затем сажусь за стол и достаю лист бумаги.

— Где у нас хоть одна ручка? — тянусь к своей сумке.

— Что ты собралась делать? — Анна Алексеевна уже стоит за моей спиной. — Ольга... не дури!

— Я увольняюсь. С сегодняшнего дня.

Буквально минута и я уже решаю свою дальнейшую судьбу, дописывая заявление, в котором прошу уволить меня по собственному желанию.

Не успеваю сделать шаг к выходу, как она преграждает мне дорогу.

— Ольга, не надо! Ты же потом пожалеешь! Переспи с этим разочарованием и станет легче! Поверь мне, человеку с жизненным опытом!

— А дальше?

— Ты о чём? — не понимает меня.

— А дальше? Работать как?

— Молча. Закрыв рот. Она... Она любовница главного. Неужели ты этого не поняла? У тебя не было шансов попасть на это место с такой конкуренцией.

— Это не конкуренция. С... дамами подобной этой я не соревнуюсь.

— Ты же останешься без работы, глупая! Тебе не простят этой выходки! У тебя мужик не работает! Мать тебе не поможет! На что ты жить собралась, идиотка?! — по-прежнему пусть и так грубо, снова пытается вразумить меня бывшая коллега.

— Простите. — Слегка отодвигаю её в сторону. — Мне некогда.

В приёмной пусто. Дверь в кабинет главного врача приоткрыта.

Подойдя ближе, слышу приглушённый смех и знакомый голос Антона Андреевича.

Он что-то, как совсем недавно, увлечённо рассказывает присутствующим в кабинете, и все начинают смеяться.

Стучусь в дверь. Открываю её и замечаю главного врача, этого шута, и ещё несколько врачей из других отделений.

Ну и, конечно, новоиспечённую старшую медсестру. Она, как я догадываюсь, звезда этого дня.

Эта дама вместо того, чтобы приступить к работе и знакомиться с коллективом, сидит на коленях у главного врача, обняв его руками.

Обручальное кольцо на пальце Петра Александровича её, вероятно, ни капли не смущает.

— А, Соловьёва... — все присутствующие в кабинете поворачиваются в мою сторону. — Проходи, что встала.

Захожу в кабинет. Жаль, что секретаря нет. Так я бы здесь даже не появилась.

— Пётр Александрович, прошу прощения, что беспокою вас.

— Ничего страшного. Что у тебя? Ты так и не поблагодарила меня за грамоту. Решила справиться оплошность?

Замечаю, как Антон Андреевич при этих словах громко хмыкает.

— Спасибо. За грамоту. И за всё остальное.

— Ты так говоришь, как будто прощаешься.

— Так и есть. Прошу, подпишите. Без вашей визы в отдел кадров нести бесполезно. Они не примут этот документ. — Протягивая своё заявление главному врачу, я стараюсь держать голос ровным. Но всё равно выходит плохо.

— Что это? — бегло читает: Заявление. Прошу уволить... Погоди, уволить? — Пётр Александрович переглядывается со своей любовницей, и я понимаю, что их обоих эта бумага неожиданно удивляет.

— Хм, интересно... — Дамочка, улыбаясь холодной улыбкой, берёт в руки моё заявление, а потом передаёт его заведующему нашего отделения.

Александр Геннадьевич переглядывается с Антоном Андреевичем и хмурится.

С ним у меня всегда были хорошие отношения, я очень уважаю его как доктора и профессионала, но я понимаю, что сегодня его слово не имеет такого веса, как имеет постель с любовницей.

— Ольга, мне кажется, это преждевременно, — Александр Геннадьевич, как и моя бывшая коллега начинает взывать меня к разуму.

— Да, да, Ольга Михайловна, вы, наверное, не подумали, когда писали эту бумагу. Это импульсивное решение! — подхватывает главный врач.

— Нет, я очень хорошо подумала. Это самое продуманное решение за последние несколько лет.

— И всё-таки, давайте без поспешности.

Главный врач откладывает документ, и его рука снова находит талию любовницы.

— Пётр, зачем ты с ней церемонишься? — дамочка поворачивается к нему с насмешливой улыбкой, а затем её взгляд снова скользит по мне. В нём нескрываемое презрение. — Ты так и понял, почему она к тебе припёрлась? Она просто обижена! Неужели это непонятно?

После её гениальной догадки воцаряется гнетущая тишина.

Все присутствующие смотрят в мою сторону, и я понимаю, что невольно стала главным развлечением этого дня.

— Ну, давай же! — продолжает она, хмыкает с провокационной улыбкой. — Покажи нам свою смелость! Скажи прямо при главном враче, а точнее ему в лицо: да, я обиделась, что на должность главной медсестры назначили не меня! Я этим заявлением мстю вам! Это мой протест! Вот, смотрите, я ухожу!

— Софья, хватит, — почти шёпотом просит её главный врач, но она словно не слышит его слов.

— А что? Что я такого ужасного сказала? — продолжает она, показывая пальцем в мою сторону. — Ну же! Чего застыла?! Или тебе не хватает мужества признать, что всё это лишь тупая обида и желание назло своему отделению совершить глупость?

— Мшу.

— Что?

— Не мстю, а мшу, — поправляю эту высокомерную гадину.

— Ты здесь ещё умничать собралась?! Неблагодарная! — неожиданно вмешивается в разговор Антон Андреевич.

Все, в том числе и я, тут же поворачиваемся в его сторону.

— Тебя не вышвырнули со скандалом позорно из больницы, тебе дали шанс продолжить работать, закрыв глаза на твой поступок, а ты ещё осмеливаешься стоять здесь и выпендриваться?! — надрывно кричит этот молодой подлец, делая несколько быстрых шагов в мою сторону.

Он встаёт настолько близко, что я чувствую его горячее дыхание.

— Вы о чём вообще?!

— Я о том, что мне удалось замять историю, когда ты подняла на уши соседнее отделение своей некомпетентностью. Я о том, что ты поставила неверный диагноз больной, тем самым чуть не угробив её! А теперь ты приходишь и кичишься заявлением об уходе?

— Я, может, и поднимала другого доктора, как вы выражаетесь, на уши, но я делала это с благими намерениями. Я хотела спасти человека. В отличие от вас!

— У неё не было инфаркта! — брызжет слюной. — Эта старуха напугала тебя, а ты всполошила всех!

— Ну да! У неё всё было настолько прекрасно, что её тут же увезли на стентирование.

— Захлопни рот! — Неожиданно грубо говорит Антон Андреевич. — И пошла вон!

— Александр Геннадьевич, Антон Андреевич, видите, как вы распустили коллектив! Медсёстры принимают решение за врача, а потом ещё права не бояться качать! Но вы не расстраивайтесь, я наведу порядок в отделении.

Глава 9

— Антон, ты перегибаешь! — вдруг резко говорит заведующий нашего отделения. Он неожиданно пытается осадить своего наглого подчинённого, но того уже не остановить.

— А что такого я сказал? Мне пришлось объясняться с главным! И всё из-за этой старухи и выскочки!

Говоря это, Антон Андреевич позволяет себе как-то слишком небрежно кивать в сторону Петра Александровича.

— Закрой рот! — включается в диалог и главный врач, переходя с молодым доктором на ты. — Если бы не она... — Начинает говорить, но не заканчивает, обрывая быстро предложение.

После такого неожиданного поворота в кабинете главного врача наступает тишина.

Молодой доктор затыкается и опускает глаза.

— Ольга Михайловна, я понимаю вашу обиду, но мои назначения не обсуждаются. — Главный врач теперь обращается ко мне. — Если вы не готовы работать под началом Софьи, тогда я подпишу ваше заявление. Но всё-таки, прошу вас: подумайте! К нам мечтают попасть многие, сами знаете.

Все присутствующие замирают и смотрят на меня.

И вроде бы как мне предоставляется выбор и возможность отступить, переиграть, передумать. Но я прекрасно понимаю, что как бы мне ни хотелось себя в этом убедить, на самом деле выбора у меня нет.

— Подпишите, пожалуйста, — настаиваю и намекаю на то, что своего решения я не понимаю.

— Ну, смотрите сами...

Звучит это... угрожающе. Ну, или я сама себе так придумала.

Пётр Александрович что-то говорит своей любовнице, она быстро встаёт с его колен, и даёт ему моё заявление и шариковую ручку.

Он, поглядывая на меня, ставит свою визу и протягивает бумагу мне.

— Обходной лист подпишите, и можете даже две недели не отрабатывать.

— Спасибо. Всего доброго.

Проходя мимо заведующего отделения, смотрю на его лицо, но он в ответ на меня не поднимает глаз.

— Ну что? — выхожу из кабинета главного и замечаю, как на меня смотрит две пары глаз: секретаря и Анны Алексеевны. — Договорились о чём-нибудь?

— Куда мне дальше с этим? — обращаюсь к девушке, протягивая ей заявление.

Анна Алексеевна, понимая, что я добилась того, зачем шла, сжимает губы и хмурится.

— Дура ты, Ольга. Такое место потеряла. Областная больница, престижное отделение... Ни ума у тебя, ни терпения.

Не хочу больше обсуждать эту тему, разворачиваюсь и спешу в сестринскую.

Главный врач позволил мне уйти без отработки положенного срока, поэтому нужно пробежать по всем отделам, поставить галку, что я ничего никому не должна, и бежать отсюда быстрее.

Не хочу больше здесь находиться. Слишком большое разочарование.

Получив все подписи, возвращаюсь в сестринскую и начинаю складывать свои вещи.

Я рада, что сейчас здесь никого нет. Встретиться с лицами своих коллег нет никакого желания.

И особенно мне не хочется видеть надменную физиономию новой старшей медицинской сестры.

Одеваясь, не успеваю уйти, когда на пороге появляется Александр Геннадьевич.

— Ольга! Что ты наделала?! — его голос полон возмущения. Вероятно, теперь он может позволить себе те эмоции, которые не позволял в кабинете главного врача. — Ты понимаешь, что ты сейчас совершила? Это же... Это же... Карьерное самоубийство!

— Почему же? Я планирую работать и дальше. Просто не здесь. В городе много других больниц, где я смогу работать. Областная — не единственная.

— Тебя никуда не возьмут. — Александр Геннадьевич говорит это не в интонации предположения, а утверждает.

— Кто такое сказал?

— Главный. Ты обидела его племянника. А значит, и его. Он, конечно, постарался этого не показать, но я точно знаю, что главный тебе этого не простит.

— Какого племянника? — не могу скрыть своего удивления. — Вы что-то путаете.

— К сожалению, не путаю. Антон — его племянник. Тот скандал, который ты устроила ночью из-за пациентки, теперь активно обсуждают. Ты фактически указала на некомпетентность его родственника. И главный врач этим очень недоволен. Сама понимаешь, к чему это привело. В итоге теперь пациенты перешёптываются в коридорах, а врачи обсуждают это в ординаторских.

— И всё-таки... Объясните! Я ничего не понимаю. Но он же... Он же, наоборот, должен выглядеть как герой! Ведь инфаркта не было! Получается, я ошиблась, а Антон Михайлович нет.

Когда я говорю эти слова, Александр Геннадьевич неожиданно отводит глаза. Именно в этот момент до меня доходит мысль, что я не ошиблась по поводу диагноза матери Ярослава. И тогда, получается, совсем не без причины Тамару Михайловну так срочно прооперировали.

— То есть у неё всё-таки инфаркт...

— Ты всё собрала? Помочь тебе чем-нибудь? — теперь как-то по-отечески спрашивает меня Александр Геннадьевич, игнорируя мои выводы и слова.

— Всё собрала. Я готова уйти.

— Оля, я постараюсь выбить тебе премию. Но, поверь, я правда ничего не мог сделать. Сама понимаешь, в твоём случае всё сыграло против тебя.

— Не волнуйтесь, Александр Геннадьевич. Всего вам доброго.

— И тебе, Оля.

Заведующий отделением разворачивается и быстро уходит. Замечаю, насколько стали сгорбленными его плечи.

И кажется, я знаю — почему. Этот доктор понимает, какую ношу ему предстоит нести в виде некомпетентного доктора и такой же старшей медицинской сестры.

Будь это какая-нибудь контора, где просто нужно перекладывать бумажки с места на место, вероятно, его бы это не так печалило. Но он заведующий серьёзного отделения, и совершенно ясно, что такие работники ему будут скорее вредить, чем помогать выполнять свой врачебный долг.

Из здания я выхожу с непонятным чувством. Не хочу оборачиваться, чтобы не плакать. Останавливаюсь на ступеньках и снова вспоминаю глаза заведующего.

Значит, я была права. Мои предположения, что у Тамары Михайловны инфаркт — оказались верными.

Получается, я всё-таки спасла её жизнь? Да, получает так.

А вот она мою десять лет назад уничтожила...

— Оля, — слышу знакомый голос, но не поворачиваюсь на него. Я и так знаю, что это голос Тамары Михайловны.

Разговаривать с ней не хочу. Помочь и спасти — моя обязанность. На этом всё.

Делаю шаг вперёд, предпочитая сбежать, но настойчивый голос снова настигает меня.

— Оля, остановись! Прошу тебя!

Мне ничего не остаётся сделать, нежели как повернуться к ней.

— Подожди, пожалуйста! Я за тобой не успеваю!

— Добрый день, Тамара Михайловна.

— Оленька, — снова говорит она, и её голос, обычно такой жёсткий, теперь звучит крайне растерянно. Я пока всё-таки никак не могу привыкнуть к такой Тамаре Михайловне. Я помню её совершенно другой. — Прости, что остановила тебя. Но я... я тебя увидела и не могла не окликнуть. Когда я поступила к вам, мы не виделись. Потом операция. Теперь восстановление. Но ты так ни разу и не зашла ко мне. А мне так хочется поговорить с тобой...

Не могу скрыть своего удивления. Поговорить? Со мной?! О чём? Рассказать об успехах своего сына?

Глава 10

Рассказать про успехи сына? Так я и так про них всё знаю.

Интернет мне уже приоткрыл занавесу его богатой и красивой жизни. Его жена выстав-
ляет эту жизнь напоказ.

— О чём вы хотели поговорить, Тамара Михайловна? Если про лечение, то это не ко мне.

— Нет, нет, не про лечение. Я просто хотела узнать, как ты живёшь.

— Зачем вам знать, как я живу? — искренне удивляюсь.

Она опускает глаза и сжимает губы. Догадываюсь - ей тяжело со мной говорить. Но тогда
зачем она настаивает на разговоре?

— И всё-таки... Прекрасно выглядишь. Совсем не изменилась.

— Спасибо.

— Замужем?

— Да, — говорю тихо, но чётко.

— Дети? — В её глазах мелькает откровенное любопытство.

— Да.

— Счастлива?

Застываю на месте. Поворачиваюсь к ней и смотрю прямо в глаза.

— Тамара Михайловна, зачем эти вопросы?

— Мне просто хочется узнать о тебе больше. Мы столько лет не виделись. И теперь так
хочется поговорить.

— А мне кажется, нам с вами не о чем разговаривать, — говорю честно. Она быстро
кивает, словно соглашаясь. — По крайней мере, раньше моя жизнь вас никогда не интересо-
вала. Напротив, напомним: десять лет назад вы мечтали, чтобы я исчезла из жизни вашего сына.
Ну вот, я исчезла. Тогда зачем теперь вы не даёте мне уйти, устраивая этот допрос?

Разворачиваюсь и делаю несколько шагов вперёд. Но чувствую, что она продолжает идти
за мной.

Медленно, тяжело, с громким дыханием.

Скрежет ходунков по асфальту вызывает неприятный рой раздражающих мурашек по
телу.

Вот ведь! Да что ей нужно от меня?!

— Оля, пожалуйста, не беги! Мне пока нельзя много ходить. Ты же сама знаешь об этом.

— А я, может, хочу сбежать от вас? — не сдерживаюсь и откровенно усмехаюсь.

— Да, я понимаю. — И снова кивает, принимая мою агрессию.

Я никогда не вела себя как сволочь, но сейчас моя стервозность лезет наружу.

Понимая это, на миг пугаюсь. А где же сочувствие, милосердие к женщине, которая
совершенно недавно перенесла инфаркт и операцию?

Останавливаюсь. Не могу поступать подло.

Да, конечно, она заслужила неуважение с моей стороны. Но не сейчас! Не когда она стоит,
цепляясь за ходунки, и в её глазах читается слабость и бессилие.

Она словно ловит эту мою короткую паузу моих терзаний и делает осторожный шаг ко
мне.

— Ладно, если хотите поговорить, у меня есть пару минут.

— Спасибо, Оля. Правда, спасибо. Мне... мне очень важно, чтобы ты не уходила вот
так сразу.

— И почему же? — холодно спрашиваю я, не скрывая скепсиса. — Хотите посидеть и
повспоминать прошлое? А я вот хочу его забыть. Особенно, как вы унижали меня.

От моих слов Тамара Михайловна вздрагивает. Молчит, опускает глаза. Вероятно, она, как и я вспоминает наше прошлое.

В нём она не щадила меня. Словами хлестала похлеще плети. Особенно любила унижать перед моими однокурсниками.

А я терпела... Ради отца терпела, которого мечтала вылечить. Ради Ярослава, чтобы не расстраивать его нашими ссорами.

— Я... я понимаю твою обиду. Ты не поверишь, но я тоже хотела бы это всё забыть.

— А вам зачем это забывать? Страдали-то не вы.

— Не я... Но со временем твоё страдание ко мне вернулось с лихвой.

Не понимаю её. Совсем не понимаю. Что в её жизни произошло такого, раз она произносит такие слова?

Муж профессор. Сын успешен. Невестка и внучка красавицы. Уверена, её дом — полная чаша!

Но взгляд почему-то совершенно не горит.

— Тамара Михайловна, может, хватит этого притворства? Вы же... вы другая.

Она слабо улыбается, но улыбка тут же гаснет.

— Я не притворяюсь, Оля. У меня сейчас даже на это нет сил, — отвечает она и делает тяжёлый вздох. — Всё изменилось. Я просто... хотела тебя увидеть. Поговорить. Сказать спасибо за то, что ты спасла меня. Я ведь так и не успела.

Вспоминая, что совсем недавно у неё была операция, ищу глазами, куда присесть.

— Вам тяжело стоять. Да и нельзя столько. — Показываю на ближайшую лавку, и она тут же кивает.

Мы обе садимся на неё, но инстинктивно поодаль друг от друга.

Я неосознанно ставлю между нами картонную коробку, и она тут же пристально смотрит на неё.

— А это что такое у тебя?

Смотрю на эту коробку и думаю, что ответить. Сказать ей правду? Рассказать ей, что жизнь моя по всем фронтам летит в тартарары?

Представить ей повод для злорадства и усмешки?

— Я уволилась. — Скрывать не буду. Пусть злорадствует.

— Уволилась? — переспрашивает с откровенным удивлением. — С такой хорошей работы? Это же областная больница.

Киваю.

— Но как же так... А ты разве не должна была пойти на повышение?

— А вы откуда знаете? — теперь уже с удивлением на неё смотрю я.

— От других пациентов слышала, что ты должна быть старшей медсестрой.

— Вам соврали, — отрезаю.

Надо же! Даже пациенты обсуждают то, что происходит за закрытыми дверями ординаторских.

— Ясно. Оля... Это из-за меня? Да?

— С чего вы так решили?

— Понять несложно. Я постарела, но не поглупела. Мне было плохо. Ты позвала врача. А потом... потом... он сказал, что ты зря всех подняла на уши. Какой кошмар. Это, получается, я виновата. Я снова виновата... — Мать Ярослава, говоря это, прикрывает рот ладошкой.

Отвожу взгляд. Да, она виновата. Во многом виновата. Но в данной ситуации точно нет.

Для любого человека, который оказался бы на её месте я сделала бы то же самое. Потому что по-другому нельзя.

— Тамара Михайловна, не нужно нервничать. У вас сейчас поднимается давление. Вы ни в чём не виноваты. Не надо корить себя. Я ни о чём не жалею.

- Нет, Оля, виновата. И жизнь меня наказывает. Причём довольно жестоко.
- О чём вы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.